

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Т. Г. Архипова
*Российский государственный
гуманитарный университет*

**ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА КУЗНЕЦОВА:
ПАМЯТИ УЧЕНОГО И ДРУГА
(6.03.1933 – 26.12.2012)**

С Т. В. Кузнецовой, стоявшей у истоков создания специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления», бесшменной более чем три десятилетия заведующей кафедрой документоведения ИАИ РГГУ меня связывала многолетняя дружба, возникшая в начале 70-х гг. минувшего века, вскоре после моего прихода на работу в МГИАИ. Она же, окончив институт, никуда из него не уходила, начав трудовую деятельность лаборанткой кафедры.

Ей была свойственна многосторонняя манкость: она была широко образованным человеком, интересным собеседником, умеющим не только говорить, но и слушать, преданным делу, которому служила, с фанатизмом. Окажись в свое время не рядом с К. Г. Митяевым – своим первым учителем, а с другим ученым, она могла бы стать специалистом любого из областей гуманитарного знания. Обычно в таких случаях говорят: «Судьба не оставила человеку выбора», однако, спросите у таких людей к концу их жизни: «Кем бы ты мог быть, кроме того, кем стал?». Обычно они отвечают: «Да никем больше!»

Все, без исключения, живущие знают, что они не вечны, но мысли об этом всегда отодвигаются на «потом». Да, наверное, и нельзя нормально жить с мыслью о бренности всего сущего. Таня жила «со вкусом»: у нее была замечательная семья, красивый, гостеприимный дом, все стены которого были обшиты полками для книг, много читала, много путешествовала, много сил и времени отдавала продвижению «вглубь и вширь» любимой специальности, в течение пятнадцати лет была редактором созданного ею журнала «Делопроизводство». О делопроизводстве, как процессе, как специальности она могла говорить бесконечно.

Сколько я знала ее, столько она боролась с многочисленными недугами, но говорила о них походя, как бы между прочим. Оказавшись с ней в первой совместной поездке, которых впоследствии было множество, я была поражена количеством принимаемых ею лекарств.

Мне казалось, что она будет со мною всегда, она же говорила: «До восьмидесяти лет поработаю заведующей кафедрой, а потом пойду на должность рядового профессора». Однако, года за полтора до ухода из жизни она впервые заговорила о преемнике.

Обычно в конце весны – начале лета мы виделись с ней крайне редко, принимая госэкзамены и защиту дипломных работ в филиалах, в других вузах, где готовят документоведов. А тут повезло: встретились на перроне Ленинградского вокзала. Наши «Сапсаны» уходили с разницей в полчаса: ей надо было в Питер, а мне – в Великий Новгород. Таня всегда говорила в таких случаях: «У нас с тобой как в анекдоте – Манька дома – Ваньки нет, Ванька дома – Маньки нет». Обычно к поезду мы приезжали заранее, образовалось с десяток свободных минут, их мы и проговорили. Конечно, говорили о работе, поговорили и о здоровье. На мой вопрос о нем она грустно ответила: «Знаешь, я, наверное, зря сделала операцию». Я не придавала серьезного значения ее словам, решив, что это обычная наша к концу учебного года усталость: мол, отдохнем, и все будет в порядке. Тем более, она собиралась в очередное путешествие. Однако после отпуска Таня на работу так и не вышла: больницы следовали одна за другой, и это внушало определенную надежду. Ну, какая российская больница согласится госпитализировать безнадежно больного человека? Два–три раза в неделю я звонила ей, звонила мужу. Мне так хотелось услышать о том, что ей лучше. Иногда такое в разговоре проскальзывало. Это обнадеживало. Правда, приблизительно за месяц до конца она заговорила о своем желании уйти с должности заведующего кафедрой и спросила, не буду ли я, как декан факультета, против этого возражать. Конечно же, я возразила. Решили вернуться к этому вопросу после предстоящего консилиума врачей. Не вернулись, значит, думала я, все не так плохо. Заставляло верить в чудо и то, что она правила статьи для журнала, консультировала аспирантов. Чуть ли не за день до трагедии успешно защитила кандидатскую диссертацию ее ученица – Светлана Глотова. Накануне защиты Татьяна Вячеславовна диктовала ей ответы на замечания оппонентов, одним из которых была я. Слава Богу, она успела узнать о результатах защиты Светы... 26 декабря ее не стало.

За свою жизнь она многое успела: написала с десяток учебников, не одну сотню статей, под ее руководством защитили кандидатские диссертации 27 ее учеников. Делала все она необыкновенно быстро, перемещалась по помещениям института молниеносно – я просто не могу представить ее идущей вразвалочку или сидящей без дела. Она все время что-то

читала, писала, редактировала, наводила порядок в своих записных книжках, в сумке, наконец.

В то же время ничто человеческое не было ей чуждо. Она любила красивые вещи, украшения, камни, активный отдых, свой дом, умела его обставить, принять гостей, даже неожиданных, быстро «сварганить» что-либо вкусненькое, знала кучу простых по исполнению рецептов блюд. Сейчас, по прошествии времени, я задаю себе вопрос: что она любила больше – работу или дом, семью? Скорее всего, поровну. В трудные «производственные» моменты она как бы забывала о доме. Она любила всех своих коллег по кафедре, жила их радостями и заботами. Надо было видеть, как она выбирала подарки коллегам к праздникам, ко дню рождения. Но в случае домашней беды все это уходило на второй план. Домашние платили ей тем же.

Она очень многому меня научила, например, любить мемуары, ездить по стране, познавая ее «за государственный счет», сначала по линии общества «Знание», а потом по преподавательской линии, собираться в дорогу за очень короткое время, подрабатывать, наконец, что было немаловажным в перестроечные годы. Ездили мы с ней очень много, первое время втайне от руководства университета, которое считало, что такого рода поездки (даже во внерабочее время) отвлекают нас от основной работы. В одну из таких поездок в Сыктывкар она сильно повредила ногу. Обратиться к врачам она смогла лишь в Москве, и это сильно осложнило лечение.

С ее помощью я научилась читать лекции в любой аудитории: взрослым и детям, специалистам и просто любопытным, в Москве и в Приполярье.

Ко всем поездкам она тщательно готовилась и по части лекций, и по так называемой культурной части. Она заранее знала, что нам надо посмотреть, посетить и даже купить в этой командировке. Сначала возили продукты, потом сувениры. Все ей было интересно, ничто не выпадало из ее поля зрения. В поездках она вела дневник. О нем надо сказать особо. Отчитав зачастую десять часов лекций за день, намотавшись по достопримечательностям, я обычно валилась с ног. Поужинав тем, что Бог послал – тогда и с общепитом было туго, а в гостиницах даже кипятка не было, – я укладывалась спать. Она же, пожелав мне спокойной ночи, садилась записывать дневные впечатления, причем подробно. Помню, в очередной раз мы приехали в Костромской университет (мы работали в нем на полставки и выходные дни проводили там), и она решила напомнить мне все наши поездки в этот город. Нашла записи и зачитала их мне. Там было описано все до мелочей: где были, чем восхитились, что нового узнали, с кем общались, что ели, что купили, о чем говорили...

В Костроме мы бывали десятки раз, университет создал там свой филиал и мы ездили туда уже официально читать лекции, принимать госэкзамены, проводить защиту. Помню, вечером после работы мы вспомни-

ли, что надо бы подкрепиться. В городе уже появились кафе и рестораны. В воскресный день все дешевые «точки» были переполнены, а есть хотелось безумно. Подходим к очередному ресторану, а там, за стеклом, так уютно и красиво, и ни души, одни официанты. Решили: идем. Весь персонал бросается к нам. Открываем меню и находим объяснение отсутствию посетителей: ресторан – дорогущий. Я предпочитаю ретироваться, а Таня категорически против. Она говорит официанту: «Накормите нас, пожалуйста, дешево, сытно и вкусно». Тот в замешательстве, зовет администратора и они, посоветовавшись, находят нам одно большое блюдо на двоих, какой-то салатик, а для получения полного кайфа мы заказываем пятьдесят граммов коньяку и просим разлить их в два больших бокала. Ужинаем в абсолютно пустом зале при свечах и под живую музыку. Откушав, довольные выходим на улицу – темень, метель, сугробы по пояс. Возле урны копошится какая-то женщина в поисках то ли остатков продуктов, то ли пустых бутылок. Таня мне говорит: «Смотри, она моложе нас, но мы работаем и можем себе позволить поужинать в ресторане. Цени то, что у тебя есть работа». Эти ее слова я запомнила навсегда, как и то, что однажды она сказала, что больше всего по жизни боится не иметь работы. Она ведь и умерла работая.

Такое отношение к работе я встречала редко. Татьяна Вячеславовна лишь при чрезвычайных обстоятельствах могла опоздать на занятия, не встретиться по договоренности.

Все, что касалось лестуемой ею специальности она переживала тяжело. Особенно сильно она переживала реформирование российского образования вначале нынешнего века. Она, как и многие преподаватели высшей школы, не видела большого смысла в переходе на двухуровневую систему образования. Бывая часто за рубежом, не считала, что получаемое там образование – лучше нашего. Действительно, широта образования, получаемого в РГГУ, позволяет его выпускникам очень быстро адаптироваться в организациях самого разного профиля, разной формы собственности. Мы встречали своих учеников в архивах, делопроизводственных службах, издательствах, музеях, вузах, школах, на телевидении, среди писателей, актеров, управленцев и др. И везде слышали от них самые комплиментарные отзывы о полученном образовании, которое пригодились им даже в абсолютно «непрофильном» месте работы. Но переход на двухуровневую систему был обусловлен Болонскими соглашениями, и бороться было бесполезно. Вскоре на государственном уровне было решено сократить число специальностей, по которым осуществляется подготовка в вузах страны. Желающих объединиться с документоведами было достаточно. Дело в том, что к этому времени документоведов готовили не в одном десятке вузов, но каждый из них пытался приспособить специальность «под себя», внести в учебные планы дисциплины, для чтения которых у

него были собственные кадры. Это размывало специальность. Документ сопровождает любую сферу деятельности человека, но специальность, утвержденная в свое время на правительственном уровне, предполагает подготовку работников для сферы управления, объектом ее изучения является не документ вообще, а управленческий документ. Министерство образования предложило объединить историков-архивистов с историками, а документоведов с библиотекарями. Последнего мы допустить не могли: с соответствующей кафедрой Университета культуры у нас были и остаются принципиальные разногласия по многим вопросам. В отчаянии Таня хотела добиваться самостоятельности специальности, но в таком случае архивоведение автоматически уходило к историкам, что грозило утратой уникальности Историко-архивного института, основы РГГУ. Выход был один: объединяться с архивистами. Таня это отлично понимала, но металась как загнанный зверь, ища выход из ситуации, была не всегда справедлива по отношению к тем, кого любила и кто любил ее. Чем я могла ей помочь? Разве что тем, что была рядом. Думаю, что эта ситуация укоротила ей жизнь.

Но встала другая проблема. В условиях сокращения учебной нагрузки представители вузов, входящих в Учебно-методическое объединение по документоведению, в большинстве технических, захотели исключить из программы подготовки гуманитарную составляющую: к чему, мол, документоведам дисциплины гуманитарной направленности? Попросившись в дом, пытались вытеснить из него хозяина. Этого допустить было нельзя. Почувствовав угрозу своему детищу, Таня ожила. Она бросилась в атаку аки лев. В этом ей очень помогла декан факультета архивного дела Елена Михайловна Бурова, помогала и я, но в меньшей степени, оставаясь «на хозяйстве». Ведь при создании факультета у нас была с ней договоренность: я отвечаю за организацию учебного процесса, а она – за его содержание.

В последнее время, приходя на работу, она старалась сделать как можно больше, забывая даже о еде. Я звонила ей и спрашивала: «Есть хочешь? Заходи». А она отвечала: «Умираю, но некогда. Сейчас пришло лаборантку за бутербродом». Торопилась, как будто предчувствовала скорый уход.

Кафедра делопроизводства осиротела, впервые – 26 января – ее заседание прошло без Тани. Коллеги говорили только о ней. За несколько месяцев ее болезни они проявили себя замечательно: все дела шли так, как будто она не в больнице борется за жизнь, а вместе с ними решает все возникающие проблемы. Каждый из них уже взял на себя часть той огромной нагрузки, которая лежала все годы на ней. Думаю, им удастся сохранить все лучшее, что оставила им Таня: это дружный, хорошо работающий коллектив. Мне остается то же, что и прежде: помогать им изо всех моих сил. Это будет моя дань памяти подруги и коллеги.